

УДК: 94(47).084.3

DOI: 10.18384/2310-676X-2016-4-79-84

РОССИЙСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И НОВАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА: ПЕРВЫЕ ОЦЕНКИ

Тучин В.А.

Независимый исследователь, г. Пушкино (Московская область)

Аннотация. Статья посвящена взаимоотношению интеллигенции с Советской властью в момент провозглашения Новой экономической политики (НЭП). Автором проведен анализ причин, почему представители российской интеллигенции, несмотря на негативное отношение к Октябрю 1917 года, с началом НЭПа начинают сотрудничать с большевиками. Рассмотрены факторы, повлиявшие на отношение интеллигенции к Советской власти. На основе высказываний представителей интеллигенции выявлены причины, которые способствовали возникновению определенных надежд в интеллектуальной среде на трансформацию политической власти в стране.

Ключевые слова: большевики; власть; интеллигенция; НЭП, Октябрь 1917.

RUSSIAN INTELLEGENSIA AND THE NEW ECONOMIC POLICY: FIRST ASSESSMENTS

V. Tuchin

Independent researcher, Pushkino, Moscow Region

Abstract. The article is devoted to the interrelation of the intelligentsia with the Soviet government at the time of the New Economic Policy (NEP) proclamation. The author analyzes the reasons why the representatives of the Russian intelligentsia started working with the Bolsheviks when the NEP started, despite their negative attitude to the October 1917. The factors influencing the intelligentsia representatives' attitude to the Soviet power are also reviewed. On the basis of the intelligentsia representatives' statements the reasons contributing to the intellectual environment to feel some hope, as well as to the transformation of the political power in the country, are identified.

Key words: Bolsheviks, power; intelligentsia; NEP; October 1917.

В марте 1921 г. на X съезде РКП(б) Советским правительством была провозглашена Новая экономическая политика (НЭП), которая сменила политику «военного коммунизма». В отличие от Октябрьской социалистической революции 1917 года, к которой большая часть интеллигенции отнеслась недоброжелательно-выжидательно, и, тем более, «военного коммунизма», провозглашение НЭПа представителями интеллектуальной среды было встречено доброжелательно, с легким чувством оптимизма. Почему произошла такая перемена в умах и настроении интеллигенции?

© Тучин В.А., 2016.

Источниковую базу данного исследования составляют дневники известного ученого-естествоиспытателя В.И. Вернадского, который был одним из лидеров Конституционно-демократической партии, и писателя, литературного критика и переводчика К.И. Чуковского, придерживавшегося социалистических взглядов. Кроме того, приводятся мемуары известного революционера, социал-демократа и большевика – в начале революционной карьеры, затем перешедшего в лагерь меньшевиков, Н.В. Вольского, более известного под псевдонимом Н. Валентинов. Занимая выжидательную позицию во время революции 1917 г. и Гражданской войны 1918–1920 гг., Н.В. Вольский с началом НЭПа стал активно сотрудничать с большевиками, работая в Высшем Совете Народного Хозяйства (ВСНХ). Все трое представителей интеллигенции – с очень разной судьбой и различными политическими взглядами, что позволяет провести некоторый срез взглядов интеллигенции на начало НЭПа.

Изучение восприятия НЭПа интеллигенцией и ее взаимоотношение с Советской властью в данный период времени волновало как советских [См: 7], так и российских исследователей [См: 5, 4]. Актуальна эта тема среди историков и сейчас, тем более в свете 95-летнего юбилея начала НЭПа.

Прежде всего стоит отметить, что после Октября 1917 года и, тем более, в период Гражданской войны 1918–1920 гг. интеллигенция по отношению к Советской власти занимала выжидательную позицию: «Это время характеризовалось, можно сказать, нежеланием интеллигенции и специалистов служить в советских учреждениях, на-

лаживать производство, способствовать созданию благоприятных условий жизни и работы советских трудовых коллективов» [9, с. 290]. (Здесь и далее в цитатах сохраняется авторская орфография и пунктуация. – прим. авт. – В.Т.). Очень сильны были ожидания того, что большевики не удержат власть и следовательно их не воспринимали как серьезную силу, с которой можно работать: «Любопытно, что все считают большев[истский] режим потерпевшим фиаско и временным. Лазарев считает – немногие месяцы – затем страшная реакция. Тарасевич считает, что, м[ожет] б[ыть], Кроншт[адские] события сплотят – но затем неизбежен крах и долгие времена анархии» [3, с. 14]. Меньшевик Н.В. Вольский (Н. Валентинов) охарактеризовал свои настроения той эпохи следующим образом: «В течение первых лет советской власти я делал все для меня доступное, чтобы этой власти не служить» [2, с. 29]. Подобные взгляды были близки многим представителям интеллигенции.

Следует отметить, что к началу 1921 г. в стране сложилась тяжелая обстановка. Победа в Гражданской войне 1918–1920 гг. была завоевана большевиками дорогой ценой. Экономика пришла в упадок, культурная жизнь деградировала. Отразив интервенцию, новая власть столкнулась с нарастающими внутренними волнениями. Поэтому «в этих условиях реализация поставленных целей по созданию нового общества могла осуществляться либо путем ужесточения политики «военного коммунизма» и усиления репрессий, что угрожало окончательно подорвать хозяйственную жизнь страны и социальную базу советской власти;

либо, напротив, за счет расширения социальной базы советской власти, учета интересов всех слоев населения, в том числе интеллигенции» [5, с. 118]. Большевики, провозгласив НЭП, выбирают второе.

Экономический «разворот» Советской власти не мог не сказаться на отношении к ней интеллигенции. Постепенно люди интеллектуального труда, даже идейные оппоненты большевиков, начинали сотрудничать с новой властью не за страх, а на совесть. И как отмечал тот же Н.В. Вольский, это был «не частный случай, а нечто, что одновременно со мною, правильнее сказать, даже раньше меня, произошло с довольно значительной частью российской интеллигенции: с беспартийными специалистами, людьми, прежде всего находившимися в рядах кадетской партии, в партии социал-демократов-меньшевиков и в партии социалистов-революционеров» [2, с. 29].

В ходе укрепления Советского правительства и разгрома военных и политических оппонентов большевиков, взгляды интеллигенции на новую власть стали меняться. Поэтому главной причиной пересмотра своего отношения к Советам со стороны интеллигенции стала военная и политическая победа советской власти над оппонентами: «С окончанием гражданской войны, исчезновением иностранной интервенции, переходом к НЭП эта власть стала много сильнее, чем когда-либо до этого. Никакой другой власти не было и не предвиделось» [2, с. 56]. Большевики просто остались единственной политической силой в стране, которая наводила порядок после хаоса Гражданской войны 1918–1920 гг.: «...обыватель ждет

как дальнейшей стадии – бандитизма, который развивается необычайно быстро. Держит большевистский кулак, при всей их бесталанности» [3, с. 48]. Даже являясь несогласными с новым строем в душе, представители дореволюционной интеллигенции были вынуждены считаться с новой властью, которая в их понимании из временной превращалась в постоянную.

Другим немаловажным фактором постепенного изменения отношения интеллигенции к Советской власти являлось то, что большевики смогли сохранить государственность, пусть не без территориальных потерь, но сохранить единство и целостность страны. Данную заслугу большевиков не могли не отмечать даже их идейные враги: «С того момента как определилось, что Советская власть сохранила Россию, – Советская власть оправдана, как бы основательны ни были против нее обвинения» [1, с. 337]. И эта государственная стабильность внушала интеллигенции робкий оптимизм: «Я несмотря ни на что, верю в будущее» [3, с. 14].

В-третьих, отказ от политики «военного коммунизма» и провозглашение НЭПа многими представителями интеллигенции был воспринят положительно. Как отмечает историк И.Е. Казанин: «Окончание гражданской войны и введение новой экономической политики сопровождалось снятием ограничений на издательскую деятельность «ведомственной», специально-научной, общественно-публицистической и художественной литературы. В этих условиях российская интеллигенция вновь получила возможность публично выражать свои взгляды на проблемы развития

общества, отечественной литературы, искусства и культуры» [6, с. 91]. Некоторые шаги правительства, направленные на либерализацию целого ряда общественных отношений, вселяли определенную надежду у интеллигенции на трансформацию политического строя: «...власть, уйдя от идей 1917–1920 гг., принуждалась, по нашему убеждению, стать иной. Это означало, что отныне интеллигенция могла бы работать по совести, а не из-за страха, и не под палкой, как было до этого» [2, с. 56].

В-четвертых, нормализации отношений между интеллигенцией и властью служили социально-экономические преобразования, проводимые большевиками. Политика Советской власти на повышение культурного уровня населения, предоставление возможности получать не только среднее, но и высшее образование выходцам из различных социальных групп, доступное бесплатное медицинское обслуживание, социальное страхование, создание системы санаторно-оздоровительных учреждений – все это и многое другое не могло не повлиять на позитивные изменения настроений интеллигенции к большевикам. Так, писатель К.И. Чуковский, помогая в 1921 г. в обустройстве детской колонии в Бельском Устье под городом Порховом, описывая сложность бытовых и иных условий работы, подчеркивал, что именно «советская власть дала им школу для колонии» [8, с. 176]. Нельзя не отметить, что «Провозглашение в 1921 г. политическим руководством России нэпа способствовало улучшению социально-экономического положения в стране, многократно расширило творческие возможности, пути

и формы соучастия интеллигенции в созидательной работе» [4, с. 20].

В-пятых, восстановление научной жизни страны, стремление Советского правительства к сохранению и созданию новых учебных и научных институтов не могло не импонировать представителям интеллигенции. В.И. Вернадский в своем дневнике от 9 марта 1921 г. отмечал: «У Тарас[евича] интер[есный] разговор о совр[еменном] моменте. Начало улучшаться положение научн[ой] работы с янв[аря] [1]920 г. Ленин понял значение спецов и в тоже время начала <увеличиваться> возможность не замерзнуть и не умирать от истощения. С осени – <с> сент[ября], авг[уста] начала восстанавливаться работа. Новые журналы получены относительно недавно» [3, с. 15]. С началом НЭПа подобные тенденции только усилились. Как отмечал К.И. Чуковский, «книжных магазинов открывается все больше и больше» [8, с. 194].

И, наконец, в-шестых, немалую роль сыграло чувство патриотизма среди представителей интеллигенции. Те из них, которые не уехали добровольно или не были отправлены в эмиграцию принудительно, а остались на Родине, стремились к скорейшему ее возрождению как в экономическом, так и в духовном плане: «Считая своим «патриотическим» долгом содействовать скорейшему восстановлению хозяйства и нормальной жизни, считая аксиомой, что только при этом условии может создаваться благосостояние населения, «Лига наблюдателей» заключала, что для этого у интеллигенции, не желающей быть вне жизни, нет другого пути, как только честно и добросовестно работать вместе с

Советской властью» [2, с. 56]. Ученый В. И. Вернадский, вспоминая о не состоявшейся эмиграции в 1920 г. в Лондон, отмечал: «Как-то опять подымается чувство уверенности в то, что я сделаю много. Вера в то, что мне суждено. Ясно осознаю, что не поехал в Лондон и оставшись здесь м[ожет] б[ыть], изменил форму достижения <цели>, но осталась неизменной основная идея. Создание Института для иссл[едования] жив[ого] вещ[ества] (или геохимического?)» [3, с. 27–28].

Следует признать, что с началом НЭПа представители интеллигенции, оставшиеся в Советской России, влились в процесс восстановления экономического и культурного состояния страны. Причины, которые способствовали этому, у разных социальных групп интеллигенции были различны, но в целом даже ярые противники большевиков в начале 1920-х гг. примирились с новой властью, по крайней мере внешне, и приложили свои усилия к созидательной работе.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА:

1. Бобрищев-Пушкин А.В. Новая вера // В поисках пути: русская интеллигенция и судьбы России. М.: Русская книга, 1992. С. 288–339.
2. Валентинов Н. (Вольский Н.). Новая экономическая политика и кризис партии после смерти Ленина. М.: Современник, 1991. 367 с.
3. Вернадский В.И. Дневник: Март 1921 – август 1925 / 2-е изд. М.: Наука, 1999. 214 с.
4. Ерошкина О.Н. Дневник К.И. Чуковского как источник изучения истории интеллигенции Петрограда–Ленинграда 1920-х гг. // Клио. 2014. № 2 (86). С. 18–24.
5. Казанин И.Е. Забытое будущее: советская власть и российская интеллигенция в первое послеоктябрьское десятилетие. Волгоград: Волгоградский гос. ун-т, 2001. 264 с.
6. Казанин И.Е. Формирование государственной политики по отношению к российским литераторам в 1921–1922 гг. // Российская интеллигенция на родине и в зарубежье: сборник научных статей. М.: Ветераны спецслужб, 2005. С. 89–104.
7. Соскин В.Л. Культурная жизнь Сибири в первые годы новой экономической политики (1921–1923 гг.). Новосибирск: Наука, 1971. 352 с.
8. Чуковский К.И. Дневник (1901–1929 гг.). М.: Советский писатель, 1991. 544 с.
9. Шишкин В.А. Политические настроения научно-технической интеллигенции и медиков высшей квалификации в годы НЭПа (1922–1928 гг.) // Нестор: ежеквартальный журнал истории и культуры России и Восточной Европы. 2004. № 4. С. 289–305.

REFERENCES

1. Bobrishchev-Pushkin A.V. Novaya vera [New Faith] V poiskakh puti: russkaya intelligentsiya i sud'by Rossii [Finding the Way: the Russian Intelligentsia and Russia]. , Russkaya kniga, 1992. pp. 288-339
2. Valentinov N., (Vol'skii N.). Novaya ekonomicheskaya politika i krizis partii posle smerti Lenina [New Economic Policy and the Crisis of the Party after Lenin]. M., Sovremennik, 1991. 367 p.
3. Vernadskii V.I. Dnevnik: Mart 1921 - Avgust 1925 / 2-e izd. [Diary: March 1921 - August 1925 / 2nd ed.]. M., Nauka, 1999. 214 p.
4. Eroshkina O.N., Dnevnik K.I. Chukovskogo kak istochnik izucheniya istorii intelligentsii Petrograda–Leningrada 1920-kh gg. [Chukovsky as a Source of Studying the History of the Intelligentsia of Petrograd–Leningrad of the 1920s.] // Klio. 2014. no. 2 (86). pp. 18-24.
5. Kazanin I.E. Zabytoe budushchee: soveteskaya vlast' i rossiiskaya intelligentsiya v pervoe

- posleoktyabr'skoe desyatiletie [Forgotten Future: the Soviet Government and the Russian Intelligentsia in the First Post-Revolutionary Decade]. Volgograd, Volgogradskii gos. un-t, 2001. 264 p.
6. Kazanin I.E. Formirovanie gosudarstvennoi politiki po otnosheniyu k rossiiskim literatoram v 1921–1922 gg. [The Formation of the State Policy in Relation to Russian Writers in 1921–1922.] Rossiiskaya intelligentsiya na rodine i v zarubezh'e: sbornik nauchnykh statei [The Russian Intelligentsia at Home and Abroad: Collection of Scientific Articles]. M., Veterany spetssluzhby, 2005. pp. 89–104
  7. Soskin V.L. Kul'turnaya zhizn' Sibiri v pervye gody novoi ekonomicheskoi politiki (1921–1923 gg.) [The Cultural Life of Siberia in the First Years of the New Economic Policy (1921–1923)]. Novosibirsk, Nauka, 1971. 352 p.
  8. Chukovskii K.I. Dnevnik (1901–1929 gg.) [Diary (1901–1929)]. M., Sovetskii pisatel', 1991. 544 p.
  9. Shishkin V.A. Politicheskie nastroeniya nauchno-tekhnicheskoi intelligentsii i medikov vysshei kvalifikatsii v gody NEPa (1922–1928 gg.) [The Political Moods of Scientific and Technical Intelligentsia and Medical Personnel of Higher Qualification in the Years of the NEP (1922–1928 gg.)] // Nestor: ezhekvartal'nyi zhurnal istorii i kul'tury Rossii i Vostochnoi Evropy. 2004. no. 4. pp. 289–305.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Тучин Владимир Анатольевич – выпускник Московского государственного областного университета, независимый исследователь;
e-mail: mai216@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tuchin Vladimir A. – graduate of Moscow State Regional University, Independent Researcher;
e-mail: mai216@yandex.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Тучин В.А. Российская интеллигенция и новая экономическая политика: первые оценки // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2016. № 4. С. 79–84.
DOI: 10.18384/2310-676X-2016-4-79-84

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

V. Tuchin. Russian intelligentsia and the new economic policy: first assessments // Bulletin of Moscow State Regional University. Series: History and Politic Sciences. 2016. no 4. Pp. 79–84.
DOI: 10.18384/2310-676X-2016-4-79-84